

12. Рекомендация 102 (01) та Резолюция 123 (01) Конгресу місцевих та регіональних влад Європи щодо місцевої та регіональної демократії в Україні // Місцеве самоврядування: 10 років здобутків / За ред. М.Пухтинського. – К.: Атіка, 2002. – 368с.
13. Представительные и исполнительные органы власти в системе самоуправления Российской Федерации. – М., 1994. – 33 с.
14. Территориальная организация местного самоуправления в Российской Федерации. – М., 1996. – 58 с.

УДК 141.7

К СОВРЕМЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Худенко А.В.

Сучасний світ «братерства» і «рівності» має здатність як підтримувати себе, так і руйнувати. У статті відзначено, що спосіб подолання руйнівних тенденцій технологічного проекту сучасності є вперше-починання справжньої, живої сучасності – «сучасності визволення». Сучасність визволення розглядається як процес, невіддільний від політики й імманентний історії. У підставі цього процесу лежить зберігання можливостей і звертання до іншого, як виражений модус спільності життя, що підтверджує себе у спів-спілкуванні і боротьбі.

Современный мир обладает способностью как поддерживать себя, так и разрушать. В статье отмечено, что путь преодоления разрушительных тенденций технологического проекта современности является впервые – начинание подлинной, живой современности – «современности освобождения». Современность освобождения рассматривается как процесс, неотделимый от политики и имманентный истории. В основании этого процесса лежит сохранение возможностей и обращение к другому, как выраженный модус совместности существования, утверждающий себя в со-общении и борьбе.

Modern world has an opportunity both to support and destroy itself. In article is emphasizing the way of overcoming the destructive tendency of technological scheme of modernity. This way is the first beginning of real and vivid modernity – the modernity of emancipation. The modernity of emancipation examines as inseparable from policy and immanent to history. The grounds of this process are the preservation of possibilities and giving an address to another that express the common being is becoming consolidated by way of conversation and struggle.

В мире все увеличивающихся различий и разнообразий у человека есть возможность осознать силу своей автономной воли. Семья, круг друзей, родственники ближние и дальние, этническое или территориальное сообщество – являются объектом внимания и заботы. Этот вполне комфортабельный и уютный мир *fraternite, egalite* не принимает какой-либо высший порядок за пределами себя, поскольку сам обладает способностью поддерживать себя. И разрушать себя.

Действительно, самоутверждение имеет свою оборотную сторону – индивидуализм и веру в собственную непогрешимость. При этом каждая попытка осмыслить мир, восстановить его целостность приводит только к повторению монолога с несколько модифицированным, «альтернативным» видом. *Альтернативный монологизм* (Бахтин) оказывается лишь изнанкой и двойником законодательного разума; а объявленный «конец истории» – комичный эпизод в повторении истории. Большой недугом автономизации такой разум лишь воспроизводит нравоучительные формализмы. Эти формализмы тиражируются отнюдь не для облегчения возможностей перевода, понимания себя и других, но в первую очередь для доказательства, самоосвидетельствования полноты ценности и вменяемости своего Я. А что может быть более соблазнительным, чем признание приватной исключительности? Ради этого в мирской аскезе экономятся наслаждения и удовольствия, дабы обменять их на спасение.

Автономность в своей исключительности подтверждает уверенность в правоте *liberte* – воли преодолеть, разобрать и измельчить тайну, части которой могут и должны быть прокалькулированы и расставлены в интерьере наличных объектов. В то же время, исключительность в своей

ономности, нарциссизм — является достаточно быстродействующим препаратом растворения тупого. Другой предстает как *alter ego*, двойником, в крайнем случае, «как бы Я». Став нейтральным, другой попадает в сети расставленного (тотального) интерьера и существует как калькуливаемый объект. Либерализм победил: автономное, исключительное «Я» имеет естественное право обратиться к самому себе. И обращается только к самому себе. Более того, любой опыт мира — книги и объекты, помещаются в плоскость «картины» и актуальны лишь в обращении к Я.

Однако, завоевывая и покоряя мир, мы остались ранеными в бытие. Мы намеренно подживаем победу именно либерализма, но не свободы. Ведь свобода желает не свободы самости в лирировании и дисциплинации себя в «свободном» парении. Такая свобода ведет к «шигалевицизму»: исходя из абсолютной свободы, совершенно естественно закончить абсолютным деспотизмом, насилием с видом (под знаменем) свободы, но без слова.

Беззвучный взгляд Пораженного своей исключительной автономностью / автономной исключительностью в бессловесный интерьер провоцирует нужду (все возрастающую нужду) и напие как право удовлетворить нехватку. В абстракции зрения производится *трансразнообразие* (разнообразие оборачиваемое, виртуальное) и перерабатывается разнообразие реальное. В отличие Маркса, который опирался на понятие фетиша как «плотного» объекта, чье устойчивое присутствие скрывает его социальное посредничество, фетишизм в его современном облике достигает своей высшей точки — дематериализуется, превращается в оборачиваемую виртуальность. Свет монитора ТВ или ПК не компенсирует нехватку, он воспроизводит ее. Нехватку *транснаслажде* и *транстрахов*, в рамках которых чувствуешь себя комфортно.

Иногда приходится приостанавливать наблюдения: взгляд встречается с тем, что не «вписывается» в установленную расстановку. Это «анормальное», «девиантное», «иррациональное», «агическое» располагают на «периферии» (в поле «неразвитости» или «развития») и принимают на его доводку. Исключительно технологическая процедура, которая мерится не в пространстве, скоростью: жаждой увидеть, быстрее сделать актуальным. Неуправляемое любопытство техника есть признак и цинизма, и истеричности. Цинизма, т.к. не отдавать отчет (не видеть причин) в приурочивании симулякрами не является просто тиражированием ошибок, но факт добровольного очения в уютное лоно, в котором все исчезает в безмолвном мраке. Это и есть состояние абсолютного освещения, *транспрозрачности*, которая подобна бесплодности пустыни. Истеричность, в таком случае, находит свое завершение в войне — воле использовать силу для получения все недостающих ресурсов.

Сегодня война — это не просто фронтальное противостояние сил: использование вооружения для нападения или удержания в пространстве границ. Даже локальные войны, или, как их сейчас называют «антитеррористические операции», представляют собой своеобразную общинную гу. Вся сложность отношений в этой суеде редуцируется до элементарных противоположностей и подытоживается технологической программой: ты не такой как мы, мы должны тебя взломать и переделать, и мы примем тебя в свой уютный «мир». Вероятно, такая программа может выступить примером нравоучительного демагогического формализма тиражируемого тем, кто узурпировал право на «свободу» и своих оппонентов пометил «черной меткой», оправдывая, тем самым, насилие. Но можно ли найти в современном мире тот Центр, который делегирует такие полномочия? Уверен, что нет. Ведь в современном мире Центр — лишь эпизод временного равновесия, который в *longue duree* рассеивается. Поэтому в длительности мира, где интересы и запросы фликующих сторон тесно связаны между собой в тугой клубок, который уже невозможно мотать, война непременно приведет к поражению всех. Нет сомнения, что в современной войне поражение потерпит тот, кто не ставит себя под сомнение, не отрекается от права (права, вероятностно-естественного) на реванш — возвращает насилие.

Однако в мире «ограниченной экономики» (Деррида) такой поступок является нонсенсом: невозможным для «смысла», который излагает сам себя. Привычнее рассчитать «смысл»: разложить его виды, моменты, условия. И ответить: войной и угрозой обрезать так, чтобы ничего уже не выросло. Не кажется ли такой реванш комедией? Но трагичность «ответа» состоит в том, что он замыкает цикл, является эпизодом в цепи оборачиваемого реванша.

Несомненно, «ответ», который сегодня демонстрируется должен только укрепить желание преодолеть «современность технологии», которая во имя победы в сражении увеличивает потери в долгосрочной перспективе [1]. Противоположностью технологического проекта современности является впервые-начинание подлинной, живой современности — «современности освобождения».

Есть ли у мира такая возможность? Интуиция философии подсказывает, что есть. Это предположение основано на том, что философская мысль является исторической и политической: история остается тем единственным «движением», которое будит слово – слово, в котором искони выражена искренняя забота о путях обновления мира. В этой связи, путь к подлинной современности неотделим от политики и имманентен истории.

Живая современность – есть освобождение мира для бесконечного обновления и трансформаций. Речь идет о постоянной смене форм и признании существования их множества. Данную множественность следует понимать не только как количественное выражение и признание множества культур, языков и т.п. – в плюральности. В плюрализме говорит лишь нужда, которая усиливается в тотализирующем взгляде. В конечном итоге количественная множественность сводится к бесплодности пустыни. В основе же подлинной множественности лежит избыточность – *mysterium hiperboles*, которая дарует возможности быть.

Возможность в ее собственном смысле может быть понята лишь тогда, когда она принимается как возможность (открытость возможностей) и как таковая сохраняется. Сохранить же возможность означает поддерживать почтительное, оберегающее – заботливое отношение к потаенности мира в его бесконечности. Подчеркивая необходимость заботливого отношения, мы выделяем культурстратегию, как путь утверждения современности освобождения. Речь в данном случае не идет о «культурной идентификации» и/или «этнистизме» – концепциях, которые заметно обедняют и упрощают социодинамику культуры; либо представляют ее историографически. В своем же первоначальном смысле культура (*culturare*) есть уход (за чем-либо), забота (о чем-либо), что уже есть. Культурный подход к действительности исходит из того, что уже имеющееся само по себе обладает обликом и формой. И забота, ухаживая, способствует, открывает возможности и, тем самым, освобождает пути для полноты раскрытия того, что уже есть, но стремится принять подлинно новый облик. В этой связи, суть заботы заключается вовсе не в операциях и манипуляциях по извлечению или доводке, но в обращении к тому, что уже дано, и спешествовании ему в обретении подлинного облика. В проявлении заботы наступает уже имеющееся.

Проявить заботу – это не значит творить или породить, но проявить инициативу (решительность) в пути инициации (освобождения). В инициации непременно скрыта тайна, которая ставит под сомнение исключительность, автономность Я и указывает на конечность человеческого бытия. В инициации не-обходимость смерти, очевидна. Но в то же время, именно смерть позитивно определяет жизнь, и определяет ее именно как самодостаточный феномен: делает жизнь достойной избрания и не в чем не нуждающейся. Поэтому человек достоин (обладает достоинством) и достоин жизни, принимая не-обходимость смерти, свою конечность.

Конечность открывает человеку возможность уходить в неопределенном направлении (быть в пути, путешествовать, пускаться в авантюры и рисковать без какого-либо проекта) из того места, которое он ранее занимал, в борьбе создавая иную «природу», отличную от своей прежней. Так Господин, в определении Гегеля, – это тот, кто идет до конца и рискует (отказаться от риска – остаться в пределах животности), чтобы добиться признания или умереть; Раб же руководствуется страхом смерти и добровольно входит в подчинение Господину, не добившись его признания. Поэтому конечность человеческого бытия взыскает к свободе.

Путь к свободе отличается от простой биологической, физической эволюции. Ибо принять свою конечность – это помнить себя, таким, каким ты был, становясь при этом радикально другим. Именно посредством исторической памяти (зафиксированной в историографии) достоинство человека поддерживается в истории: человек вбирает прошлое, делая его доподлинно своим, сохраняя его в себе и встраивая его в свое нынешнее существование, которое, в свою очередь, является отрицанием сохраненного прошлого. Конечность человеческого бытия «заставляет» помнить (т.е. заниматься историей). В памяти отпечатана история и от-слежен путь к свободе. *Per contra* – не помня, не зная истории, мы остаемся Рабами; запрещая помнить и знать историю – нас делают Рабами.

Таким образом, не-обходимость смерти означает, что мы уже схвачены тем, что есть нечто совершенно иное, отличное от Я – другим. И эта ссылка на другого всегда (в принятии смерти и воскрешении памяти) уже имеет место. В «Софисте» Чужестранец мыслил небытие не как абсолютную небытийственность или как простую противоположность бытия, но как зов другого [2, 257b, 259a]. «Чужестранец» – другой – своим присутствием подтверждается то, что абсолютно негативного не существует. Скорее признание конечности существования, смерти есть путь открытия другого, о которого разбивается исключительность и автономность Я. Только через то, чем

Я не является, т.е. в инаковости другого, его отдельности и незаменимости, Я и может открыться. Реальный другой является не-обходим в пути освобождения мира. В этом пути другой открывает свободу, которая мыслит и желает как «за», так и вопреки мне. В самом деле, находясь в отдалении, другой приходит издалека и предстает в своей суверенной экстериорности – является Господином. В этих ассиметричных отношениях другой извлекает меня из воображаемого «мира» и открывает реальную возможность вперед-себя. Сохранение этой возможности (реальности мира) заставляет вновь и вновь обращаться к другому.

Мы подчеркиваем это двойное «вновь», дабы прервать гегелевскую операцию отрицания: намеренно остаемся в «круге» негативного. Остаться в «круге» – значит балансировать (танцевать, как отметил Ницше) на линии впервые-начинания – одновременно вне («вперед-себя») и внутри («уже»). Не выйти за пределы, оказавшись в положении «транс», но обратиться к пределу – другому. В трансгрессии, как отмечал Фуко, нет не позитивного, не негативного [3, с.118]. Это лишь жест обращения к пределу и становление на линии различия, в которой перелаживается длительность мира, разрушается его упорядоченность и методичность. Прерывая движение последовательностей, «линия» и объединяет все части времени (прошлое, настоящее и будущее) в наличном настоящем, и маркирует границу, которая обеспечивает переход от одной части к другой, позволяя быть им в качестве раздельных. Трансгрессия, таким образом, есть событие, в котором говорит судьба. Судьбический характер переломов – суть то, что посредством страха и сострадания (в их драматичном переживании) вызывает очищение страстей. Экстатичность катарсиса и вызывает к решимости непозитивного утверждения целостности мира. В этом решительном порыве поконится взрывное состояние мира – состояние освобождения.

В трансгрессии открывается возможность понимания. В открытии понимание выговаривает себя как речь; «берет слово», как отмечает Хайдеггер. В этом плане заботливость проявляет себя в слушании и высказывании – сообщении. Несомненно, что модальностью такого слушания и высказывания является сообщество. Ибо любое высказывание делается и слышать умеется «по причине» – на основании совместности. Поэтому заботливость не есть приватное свойство, но состояние, характеризующее совместность жизни: характеристика сообщества.

Однако разрыв модусов сообщения указывает лишь на возможность понимания: можно понять только то, что допускается *theorein* (быть в сообществе и избранным для сообщения). В таком случае, на понимание намеренно наложена епитимья непонимания. Вероятно, чтобы сохранить тайну (для того, чтобы говорить правильно и правдиво, не следует говорить вообще, лучше молчать, храня тайну для себя в тиши акастического братства); и/или оспорить взятое слово – бороться. В самом деле, тайна и должна, и не должна позволить себе быть раскрытой. И ее, конечно, не следует раскрывать, дабы сохранить возможность мира в его бесконечности. Но, в то же время, необходимо сделать очевидным, позволить тайне быть услышанной. Поэтому необходимо говорить, чтобы скрыть тайну; говорить не о тайне, разоблачая ее, но для тайны, подтверждая ее. Ведь кто никогда ничего не говорит, не способен и молчать. И чтобы уметь молчать, необходимо иметь что сказать, т.е. решиться разомкнуть себя – обратиться к другому. Только в этом случае молчание пресекает многоречивость мнений и указывает на очевидность тайны. Таким образом, в трансгрессии молчания и говорения утверждается совместность существования. На этой линии различия тайна становится тайной события.

И поправки, в таком случае, необходимы. Ведь «говорение» как актуализация непременно сопровождается фальсификацией: в момент решения задача всегда оказывается ложно решаемой; решение извращается неотделимой от него ложностью. Преодолеть ложность можно путем *поправок* – заставить множественность заговорить. Революция является таковой способностью множественности. Революция – освобожденный модус решительности, освобождающий энергию в экстатическом столкновении и борьбе сил. В трансгрессии революции смерть играет и смеется, наслаждаясь жизнью; а относительность и бесконечность становления разрушают претензии на неизблемость и вневременность. В этой связи революция есть событие события, которое спровоцировано обращением к пределу и управляет обновлением.

Выделяя революцию как необходимое основание пути освобождения, мы хотим подчеркнуть, что начало подлинной современности есть возвращение политики, которая и поныне выдвигается нуждой комфорта и технологической суетой. Действительно, если обратиться к истории, то политическая идея получила свое развитие и вновь воспроизводилась в тот самый момент, когда привязывалась к идее революции. И наоборот, окончание революции есть, фактически, начало террора и тотального насилия: когда видят, что революция не продвигается, а взгляды остаются

радикальными, начинают убивать. Это мы могли наблюдать не только в период Термидора, но и в 1918 году в России, и в деятельности «левых» экстремистов.

Предотвращая сползание к террору, политика переводит движение к обновлению, существующее изначально в отдельных устремлениях, в процесс обновления для полноты открытия подлинно нового – истины. Анализ «возможностей» в онтологии Хайдеггера открывает перспективы понимания такого «перевода». Действительно, возможности *Dasein*, которые всегда принимают форму выбора, открывают совместность жизни и, как следствие, возможности наступания подлинно нового: «Когда присутствие, заступая, дает смерти стать властной в нем, оно понимает свободное для нее в особой *сверхвластности* своей конечной свободы, чтобы в этой последней, которая 'есть' всегда только в избранности выбора, взять на себя *безвластие* покинутости на себя самого и стать прозорливым для случайностей разомкнувшейся ситуации. А когда судьбоносное присутствие как бытие-в мире сущностно экзистировало в событии-с-другим, его событие есть событие и определяется как *исторический путь*. Так мы обозначаем событие общности, народа. Исторический путь не составляется из отдельных судеб, равно как бытие-друг-с-другом не может быть понято как совместный быт многих субъектов. В бытии-с-друг-с-другом в одном и том же мире и в решимости для определенных возможностей судьбы уже заранее ведомы. В сообщении и борьбе власть исторического пути впервые становится свободной» [4, с.384-385].

В сообщении и борьбе, уже-расположенных во власти исторического пути события, освобождаются возможности для открытия подлинно нового. При этом событие не есть только совокупность обитателей и граждан, но в обращениях друг к другу разделенная участь сообщества. В разделении участи лежит путь участия в делах (заботе) сообщества: в том, что касается, задевает, влечет – заботит – каждого. Именно участие и составляет, по определению Аристотеля, суть политического [5, 1274b35, 1275a30]. Участвующие в со-общении и борьбе (призванные в событие и избранные в борьбе) открывают возможность для наступания подлинно нового – истины.

В участии истина, отнюдь не очевидна, но лишь возможна. Однако именно такая возможность освобождает энергию, благодаря которой может осуществить себя полнота открытости. В этой связи политика – есть поле предоставления возможностей для проявления заботы. Политика есть проявление заботы о заботе. Вероятно, руководствуясь именно этим «желанием», Тимей, признавая требования Сократа рассуждать в полной точности и непротиворечивости, замечает, что вообще должно радоваться и довольствоваться только правдоподобным мифом, не требуя большего [6, 26d]. Конечно, Сократ, требующий «полноты» и «совершенства», мог бы завершить на таких словах Тимея встречу. Но, как радатель истины, греческий любомудр согласился на правдоподобные мифы. Оставляя открытой возможность явления истины, Сократ обращается к Тимею с просьбой продолжить разговор. Сократ выбирает слова, слова, слова, прекрасно понимая, что истина в молчании. Причины, как видится, две. (1) Правдоподобие в дальнейшем можно обменять на более правдоподобное: разговор продолжен, и остается открытой возможность истины. (2) Не признавать за правдоподобным мифом правоты – измена человеческому роду. Именно человеческому, т.к. произведение правдоподобий – общее дело; деяние в той среде, суть которой составляет общительность и искреннее удовольствие от совместности существования. В этом плане зрелища, ритуалы, мифы, магия и т.д. – не есть представления о мире, не являются теорией мира, но способы жизни – сама жизнь. Только благодаря этому и живут человеческие чувства или то, что есть в человеке человеческого.

В то же время правдоподобные сказания не являются лишь мнением. Они есть результат борьбы участвующих. Говоря о борьбе необходимо обратить внимание на три момента. Во-первых, речь идет о борьбе в со-вместности и, в конечном итоге, о совместной борьбе. (Хайдеггер вполне обоснованно подчеркивает родство глагола *pelein* /они-борются/ и существительного *polis* [См. 7, с.24]). Поэтому борьба – это не выражение недоверия или оскорбление, но публично высказанное уважение, которое Я оказываю другому, признавая его незаменимое мастерство и искусство. В этой открытой возможности – в со-общении – рождаются правдоподобные сказания и есть возможность явления истины. Во-вторых, борьба, состязательность сторон препятствует победе любопытства («похоти очей») и любопытствующих, которые по воле случая оказались втянутыми в схватку и жаждут быстрее сделать актуальным. Публичная борьба, таким образом, есть та форма, которая позволяет избежать падения в беспочвенность и бесчинство мнений. В-третьих, борьба – суть публичное состязание за право быть избранным.

В борьбе претензии судятся, избираются. Но также судят об основанности притязаний. Основанием притязаний выступает публичное искусство давать (говорить) и принимать (слушать)

отчет – рациональность претензий. Но высшим проявлением мастерства выступает умение скоординировать и согласовать претензии претендентов. В этом мастерстве заключено признание другости другого и решимость выбора не пользу чего-то (выбор «что»), но «как» уравнивания разных и неравных сторон (выбор «как»). Ведь равенство же само по себе ничего не значит; оно носит лишь экономический характер, ведомое нуждой. Но «справедливость – это признание привилегий другого и его господства» [8, с.105]. И в этой связи, справедливость – лишь другое имя истина: оба совершенных блага выплавлены в горниле совместности. Справедливость является, следовательно, не только качеством претендента – то, чем сражаются, но и самим основанием, высшей добродетелью общего дела – то, за что сражаются. В этой связи обращение к благу позволяет пользоваться благом в сражении, переходить в обращении от одного адресата к другому, фактически, не изменяя направления. Поэтому избирается всегда то, что способно скоординировать и согласовать претензии претендентов, т.к. в этом состоит Благо.

В этом взывании к высшей добродетели и состоит интенция политики. Ведь в событии находит отклик не то, что препятствует сообщению, а, напротив, то, что ее устанавливает и дает новый импульс. Поэтому для освобождения современности и в современности освобождения нужны голоса. Нужны такие голоса, которые подлинно существуют в со-общении. И избрание политики обнаруживает себя в освобождении места для возможности позаботиться о себе каждому. Ведь забота и усилия, предпринимаемые для того, чтобы другие прониклись такой заботой, открывают возможности, способствуют обновлению.

После «игры» и «танца» появляется их оборотная сторона – тоска – и становится проблемой то, что можно назвать надеждой.

Покидая время, глаголя о конце истории, чтобы обрести покой в идентичности, мы соотносим себя, скорее, не с социальным гарантом, а природной силой. Мы освобождаем себя от совместности – резона человеческого существования. Это оборачивается свободой от понимания. Выброшенный в мир множества бессмысленных вещей, человек тратит время на арифметическое калькулирование успеха. Такая среда совсем не безопасна. В ней человек ощущает себя игрушкой множества сил: не понимает.

Понимающее же поведение – это поведение, в котором сохраняется возможность. Ведомый в историческом пути, человек признает благопристойность прошлого и решителен в заботливом завершении данного. Он более предпочитает сообщение, нежели корысть и ориентирован на то, чтобы подняться выше простых требований и даже временного равновесия, чтобы утвердить себя как истинного претендента в борьбе за уравнивание неравного. В борьбе, в которой посредником выступает слово, а пределом – со-общение в событии. Пределом, который не устанавливает власть какого-либо закона, но, напротив, указывает, что именно здесь, на этой границе мир раскрывается и раскрывает всю свою силу. Участие в такой борьбе высказывает уважение и, главное, чувство собственного достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Конец какой современности? // Его же. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: Пер. с англ. –С.-Пб.: Университетская книга, 2001. –С.166-187.
2. Платон. Софист // Платон. Сочинения в 3-х т. –М.: Мысль, 1968. –Т.2. –С.319-401.
3. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века: Пер. с франц. –С.-Пб.: Мифрил, 1994. –С.111-132.
4. Хайдеггер М. Бытие и время: Пер. с нем. –М.: Ad marginem, 1997.
5. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. –М.: Мысль, 1983. –Т.4. –С.375-644.
6. Платон. Тимей // Платон. Сочинения в 3-х т. – М.: Мысль, 1968. –Т.3(1). –С.255-366.
7. Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. –С.-Пб.: Алетейя. –С.7-43.
8. Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. Пер. с франц. –М.; С.-Пб.: Университетская книга, 2000. –С.66-291.